

ПУТЬ ВДОЛЬ ФОНТАНКИ

Набережные Фонтанки не менее чем невские набережные — это маршруты искусства. Летний сад, дворцы, площадь, созданная зодчим Росси, знаменитый на весь мир театр — Большой драматический... В любое время года адепты пейзажи прекрасны. И все-таки весной Фонтанка привлекательнее обычного. Именно в эту пору ее и любит особенно моя собеседница — актриса АБДТ имени М. Горького, лауреат Государственной премии СССР, заслуженная артистка РСФСР Нина Алексеевна Олхина. Путь вдоль Фонтанки для нее — постоянная радость.

— МОГЛА БЫ ездить на работу и в метро, и на машине, но смолоду предпочитаю идти пешком.

— Модное увлечение прогулками и пробежками?

— Серьезнее. Во-первых, эти 45 минут пути — время войти или выйти из роли, в зависимости от того, в театр или из театра я иду. Во-вторых, я просто очень люблю Ленинград. Мы, конечно же, обкрадываем себя, когда, ссылаясь на тысячу спешных дел, забываем об одном из первостепенных — о будничном общении с красотой Ленинграда.

— Но вы, вероятно, не отрицаете и физической пользы пеших путешествий? Ведь в актерском деле вопрос физиче-

ской формы весьма существенно...

— Играть спектакль — это, безусловно, большая физическая нагрузка, подчас такая же, как и для балерины. Нужна каждодневная и разнообразная тренировка тела. Не знаю, смогла бы я без нее исполнять столь сложные пластические роли, как, например, Клея в «Лисе и винограде» Фигейредо или Настасья Филипповна в «Идиоте» Достоевского... Да и вне театра, просто в жизни — разве это не

отрада: ощущать себя в движении? За привычкой к комфорту интерьеров мы все чаще лишаем себя естественного наслаждения — двигаться! Я уже двадцать лет выкраиваю себе минуты для плавания в бассейне. У меня может не хватить времени для просмотра очередного многосерийного телефильма, для телефонного разговора, но не для зарядки, не для прогулки, не для природы.

— При этом, вероятно, не обязательны дальние рейсы. Природа — это и рощица в городском парке, и пригородное озеро. Незатейливость пейзажа не отнимает у природы ее благотворную силу...

— Ничуть. Я люблю море с его экзотикой, горы. Но все-таки воздух родных мест всегда кажется целительнее и желаннее. А что есть на свете волшебнее берез Павловска! В наших окрестных лесах столько от богатства истинной русской природы! Невольно вспоминается одна из моих люби-

мых ролей — Верочка в «Обрыве» Гончарова. Чистотой и цельностью чувств она была немало обязана именно родной природе.

И потом, в наш многоголосый шумный век нам все чаще не хватает естественной тишины. Вездесущий музыкальный фон лишает нас драгоценной живой связи друг с другом. Завтрак в обществе приемника. Обед под аккомпанемент магнитофона... Уступая за столом почетное место модному певцу с микрофоном, мы сами говорим, комкая фразы, обрывками, невпопад и некстати, ворчим, бурчим... И так порой в дом вкрадываются разобщенность, даже отчуждение. Настоящая музыка не может быть лишь забавой, чем-то вроде допинга: умолкла — и снова тоска. Если музыка подлинна, она призвана объединять людей.

— Слово и в драматических театрах порой тесновато — его «приправляют» музыкальными фонограммами. Будто без этого и Пушкин, и Толстой уже несовременны...

— Это очень сложный разговор. Очень тонкий. Я считаю: слово — это главное оружие драматического актера. Мне посчастливилось играть на сцене с такими корифеями, как Елена Маврикиевна Грановская, Ольга Георгиевна Казико, Анна Борисовна Никритина, Василий Яковлевич Софронов, Александр Иосифович Лариков, Виталий Павлович Полицеймако, Ефим Захарович Копелян... Я, дебютантка, не смогла бы исполнить роль Ларисы в «Бесприданнице» Островского или Надя во «Врагах» Горького, если бы не любовь к русскому классическому слову, которую они мне настойчиво прививали. Никогда бы не позволили мне небрежности в слове такие режиссеры, как Наталья Сергеевна Ращевская, Илья Юльевич Шлепянов. Как можно взяться даже за эпизодическую роль в грибоедовском «Горе от ума» или за крохотную роль в «Бедной Лизе» Карамзина, ес-

ли не ценить слова? Уж не говоря о моих недавних ролях в горьковских «Варварах» или «Волках и овцах» Островского.

— Чем мы, зрители, вашим земляки, отличаемся от зарубежной публики?

— Я выступала с труппой в Праге, Софии, Лондоне, Париже, Варшаве... По сравнению с другими театрами Ленинградцы отличаются удивительным стремлением проникнуть в суть спектакля. И умеют быть благодарными за радость искусства. Эта любовь не столько в аплодисментах, сколько в том потрясающем дыхании зала, которое созвучно сложнейшим оттенкам спектаклей.

— Итак, мы — предел ваших мечтаний? Или есть и замечания?

— Пожалуй, хотелось бы, чтобы некоторые зрители не расставались с праздничностью самого выхода в театр. Небрежность одежды и всего облика нельзя оправдать ни спешкой, ни занятостью. Однажды я всерьез обиделась за коллег, когда, сидя в ложе, увидела соседей: одетые в кроссовки и нейлоновые куртки, они то и дело извлекали из пакетов яблоки и прочую снесь.

— Что вам памятнее всего в вашей актерской жизни?

— Памятного много. Но я никогда не забываю моих первых шагов на этих подмостках. Война. 1943 год. Прямо со школьной скамьи я попадаю в студию БДТ. Обстрелы и бомбежки вынуждают нас учиться под сценой. Игру Нину Заречную в чеховской «Чайке», Оливню в шекспировской «Двенадцатой ночи». А потом наш учитель Леонид Антонович Малюгин сочинил ставшую вскоре знаменитой пьесу «Старые друзья». Это для нас и про нас. До сих пор помню все мизансцены.

Должно быть, именно с тех пор я и полюбила так нежно мою Фонтанку...

Беседу вел
Ю. ОРОХОВАЦКИЙ
Фото П. Маркина